

Хазанов
Геннадий

RIGHTS

Андрей Морозов

Геннадий ХАЗАНОВ: «Сатиру я разлюбил...»

Андрей Морозов

В ПАМЯТИ СОВЕТСКОГО ПОКОЛЕНИЯ ОН НАВСЕГДА ОСТАНЕТСЯ В ОБРАЗЕ «ВЫПУСНИКА КУЛИНАРНОГО ТЕХНИКУМА». СЕГОДНЯ ОН ИГРАЕТ ДРАМАТИЧЕСКИЕ РОЛИ, РУКОВОДИТ ТЕАТРОМ ЭСТРАДЫ И ВЕДЕТ ТОК-ШОУ НА НТВ. О ТОМ, ПОЧЕМУ ОН РАЗЛЮБИЛ САТИРУ И ЧТО БЕСПОКОИТ ЕГО В СЕГОДНЯШНЕМ ДНЕ, ГЕННАДИЙ ХАЗАНОВ РАССКАЗАЛ «НОВЫМ ИЗВЕСТИЯМ» НАКАНУНЕ СВОЕГО 60-ЛЕТИЯ, КОТОРОЕ ОТПРАЗДНУЕТ В СЛЕДУЮЩИЙ ЧЕТВЕРГ.

— Геннадий Викторович, правду ли говорят, что вы часто встречаетесь с астрологами и доверяете их прогнозам?

— Не часто, но встречаюсь. И доверяю.

— Вас интересует будущее карьеры или личная жизнь?

— Меня все интересует — и личная жизнь, и карьера. Я считаю, что человек — часть Вселенной, и он не может не зависеть от расположения звезд, они влияют на него. Те, кто в это не верит, заблуждаются либо от своего атеизма, либо от перегруженности вульгарной наукой.

— Ваша бабушка была дружна с Крупской, была убежденной коммунисткой, а вы вон во что верите...

— Ну это же бабушка! Она родилась в Бесарабии в черте оседлости и в 1913 году родила мою мать, находясь в ссылке в Читинской области. У нее была совсем другая жизнь. Она верила в изменение страны, ей казалось, что существующее тогда положение вещей есть большая несправедливость. Она была абсолютным бесребреником и прожила очень скромную жизнь, никогда ничего лишнего не имела.

— Она влияла на вас своими коммунистическими убеждениями?

— Какие-то разговоры на эти темы у нас, конечно, были, но... но... но... Мне было 12 лет, когда я узнал, что Иосиф Виссарионович Сталин был не господом богом, а человеком, который принес столько несчастья в разные семьи. XX съезд нанес сокрушительный удар по КПСС, он заставил этот миф треснуть, причем треснуть публично. Все, что было в сердцах людей, что говорилось на кухне или подразумевалось во взгляде, в душах — все это выплеснулось наружу. Маятник качнулся, и по закону его качания он стал сметать на своем пути что-то зачастую и несправедливо. Например, мне кажется, что Сталина нельзя судить сегодняшними мерками.

Окончание на стр. 18

25.11.06

Наше будущее - наш - 25.11.06

5

«Сатиру я разлюбил...»

Окончание. Начало на стр. 1

— **Вы серьезно?**

— С моей точки зрения, вообще нельзя судить человека в отрыве от конкретного времени, в котором он жил. Сталин получил разрушенную страну, почти распавшуюся после революции. Почему нельзя допустить, что были люди, которые хотели, чтобы это государство было снова мощным и единым? Почему у них надо отнимать это право? Почему те, кто считает, что страна должна быть раздроблена на мелкие составляющие, правы, а те, кто считает, что она должна быть единой, не правы? Не вижу никаких реальных доказательств, что существование по отдельности лучше, чем когда мы все были вместе.

— **У вас такая сильная ностальгия по СССР?**

— У меня нет никакой ностальгии по СССР. Я просто реалист и понимаю, что есть рынки сбыта, они нарушены, появилось огромное количество местных лидеров, над которыми никого нет и для которых люди — ничто, а эти лидеры не боятся ни бога и ни черта. Они как удельные князья — они с удовольствием, наверное, выделились бы из состава России, стали бы субъектами международного права... Конечно, придут новые поколения, которые будут адаптированы к новым условиям. Человек, родившийся в бывшей советской республике, будет совсем другим человеком, и расти он будет по другим законам. Но что делать? «Времена не выбирают...». Нет, я не собираюсь делать из Сталина мученика, но нельзя все красить одной краской, это глупо.

— **Времена Сталина сегодня мало кто помнит, а вот брежневский застой с колбасой из бумаги помнит большинство. В чем-то чего хорошего было?**

— Согласен, что хорошего было мало. Времена были во многом уничижительные. Но коммунисты сами стали заложниками своей материалистической философии, пообещав людям, что у них будет рай на земле. Это невозможно. Моя бабушка была искренне верящим в социальное равенство человеком, считала, что у каждого человека должны быть равные возможности. Другое дело, что этого никогда не было. При этом были социально табуированные вещи. Например, тем же чиновникам не разрешалось иметь ничего личного. Мне могут сказать, что все имели их жены и дети. Да, это правда. Но это система допусков, все познается в сравнении. Я вовсе никого не зову в прошлое, это глупо.

— **Раньше у артистов вашего цеха была если не фи́га в кармане для власти, то хотя бы второй или двадцать седьмой смысл текста. Теперь же про власть вообще не любят шутить. Неужели она, нынешняя, страшнее КПСС?**

— В прежние времена при однопартийной системе скрытая или открытая оппозиция была единственным способом противостояния. К великому сожалению, эта социальная борьба — несмотря на то, что она для многих абсолютно нравственная — во многом была доминирована желанием самовыразиться, а не достижением некой истины или стремлением выйти на дорогу к храму, как говорилось в фильме «Покаяние». Сегодняшняя многопартийность кому-то кажется псевдомногопартийной, кому-то квазипартийной. Тем не менее разве мы могли представить себе в советское время, что про главу государства можно будет услышать то, что мы слышим сегодня?

Моя любимая фраза Герцена «Нельзя освободить народ больше, чем он свободен изнутри» говорит еще о том, что КПСС была очень жесткой структурирующей организацией, в сущности — хребтом государ-

ства. Сейчас идет мучительный процесс переноса власти от партийного руководства к государственному. На этом пути могут быть попытки все свести в «Единую Россию»...

— **Вы, кстати, вступили в нее?**

— Нет... При этом КПСС не допускала никаких партий, даже гипотетически. Она была монстром. В начале 90-х политика перестала мне быть интересной, у меня исчезли иллюзии, что придет новый начальник и, как старик Хоттабыч, все превратит в цветущий рай. Этого не будет никогда.

В шоу-бизнесе и телебизнесе только одна идеология — деньги

— **Вы не лукавите, говоря, что сегодня про первое лицо можно говорить о нем при советской власти? В сущности, все, что могут позволить себе ваши коллеги — это хиханьки да хаханьки, а настоящей сатиры нет.**

— Причем тут хиханьки и хаханьки? Я не про юмор и сатиру говорил, а про политических оппонентов, о том, что они позволяют себе говорить про политических оппонентов.

— **А что же ваш цех молчит?**

— Он не обязан этим заниматься. Почему это ему навязывают? Только потому, что он занимался этим в советское время? Ну, так это было другое время.

— **То есть вам не интересна политическая сатира?**

— Мне кажется, что программу «Куклы» закрывать не надо было, как и целый ряд политических программ на телевидении. Возможно, я знаю только надводную часть айсберга. Но я разлюбил сатиру и могу сказать, почему. Она агрессивна по своей сути, она находится на границе злости. Человек, занимающийся сатирой, даже не замечает, как он прыгает от злости к агрессии и наоборот. Ничего, кроме саморазрушения, это не приносит.

Президент на мой вопрос: «Удастся ли париться в бане?» ответил: «Сам каждый день парюсь и парю всех остальных»

— **А что про эстраду скажите?**

— Я к ней не отношусь, потому что сегодня ее нет. Есть новое понятие — шоу-бизнес. Точно так же нет телевидения, а есть телебизнес. В шоу-бизнесе и телебизнесе только одна идеология — деньги. Если их не будет, не выживут ни те, ни другие. Про какую эстраду мы говорим? В советское время все артисты были тарифицированы и имели концертные ставки. На днях один человек мне жаловался на нынешних молодых артистов: «Почему у них такие запредельные гонорары?!». Но эти гонорары устанавливают продюсеры этих исполнителей, соотносясь со спросом. Если есть те, кто готов платить такие гонорары, значит, он столько стоит. Однако это не имеет никакого отношения к обыкновенному массовому зрителю. Это имеет отношение к платежеспособной части населения или корпорациям. Все остальные смотрят это бесплатно по телевизору.

— **Вы несколько раз публично переживали за Андрея Данилко, который в образе Верки Сердючки, по вашим словам, «с головой**

ушел в шоу-бизнес». Значит, было в нем что-то такое, что жалко потерять?

— Я продолжаю настаивать, что он артист редкого дарования, но система координат, в которой он находится, диктует свои законы, победить их человек не в состоянии. Он может только уйти из этого. Если он находится в этой системе координат, то он их пленник и должен принимать условия этой игры.

— **Насколько вы принимаете эти условия?**

— Я никакого отношения к шоу-бизнесу не имею.

— **А как же театр?**

— Если смотреть на него как на бизнес-план, то мы живем. Живем, сообразуясь со своими возможностями. У нас нет таких концертов, как на сцене Кремлевского дворца или «России», потому что количество мест в нашем театре не позволяет продюсерам даже вернуть вложенные деньги. От государства мы получаем совсем небольшие деньги, но и на том спасибо. Не журием. С помощью федеральных и городских властей удалось сделать серьезную реконструкцию в театре, он стал иметь приличный вид. Что касается художественного наполнения, то это большая проблема. Мы выходим из положения благодаря спектаклям Театра Антона Чехова, практически живем на аншлагах. Причем хочу отметить, что в руководстве Театра Антона Чехова разумные бизнесмены.

— **Можно сказать, что ваша должность в театре — это очередная роль? Если да, то насколько она легка или тяжела?**

— В какой-то степени ее можно назвать ролью. В таком случае все можно называть ролью — и роль мужа, и роль отца, и роль президента. Как говорил Шекспир, «весь мир — театр, а люди в нем актеры». Но меня не угнетает моя работа. Более того, мне кажется, что мне удалось в самые непростые времена сохранить театр в приличном состоянии. Если говорить о корыстно-творческих интересах, то я имею сатисфакцию — играю четыре спектакля, их поставил Леонид Трушкин. Семь лет назад нашел свою новую сценическую дорогу, и она меня устраивает. Никакого отношения к юмору или сатире она не имеет. Это совсем другой уровень — более пронзительный и сердечный.

— **Когда жизнь давала вам больше поводов для смеха — раньше или сейчас?**

— Может быть, тогда, потому что я был моложе. Или, может, потому что тогда никто не задавал вопроса: весело сейчас или веселее будет потом, когда настанет другая жизнь? Веселость — это взгляд на мир, самоощущение. Это не реальность окружающего мира, а твоя реакция на него. Жизнь — вообще штука не очень веселая, рассматривать ее как предмет веселья могут только странные люди.

— **60 лет — это уже срок для подведения итогов или еще рано?**

— Мне кажется, что человек не должен сам подводить итоги. Он должен проживать свою жизнь, а итоги подведут другие.

— **Замечено, что с годами у людей отчетливее проступает настоящее лицо. Судя по вашему лицу, кажется, что у вас не так много поводов для веселья.**

— Я думаю, что это отпечаток осмысления прожитого, осмысления себя в прожитом. И — осмысление бессмысленности непомерных амбиций. Начинаешь более четко понимать соотношение себя с окружающим миром, понимаешь, что ты — малюсенькая частичка этого мира. Ощущения себя центром мира до ощущения себя гостем на этой земле — очень большое расстояние. Когда приходишь к пониманию этого, то

АНАТОЛИЙ МОРИНОВ

СПРАВКА

ГЕННАДИЙ ХАЗАНОВ родился 1 декабря 1945 года в Москве. После школы работал слесарем на радиозаводе и занимался в театральной студии МГУ. В 1965 году поступил в училище циркового и эстрадного искусства. После его окончания несколько лет проработал концертмейстером в оркестре Леонида Утесова. В 1973 году перешел в Москонцерт, стал выступать как артист разговорного жанра. Известность Геннадию Хазанову принес монолог писателей-сатириков Воловича и Измайлова о незадачливом студенте кулинарного техникума. Среди самых заметных работ на эстраде 70–80-х годов — созданный им в содружестве с Аркадием Хайтом моноспектакль «Мелочи жизни», представление «Очевидное-невероятное» и сценка «Попугай». В 90-х Хазанов снялся в фильмах Николая Досталя «Маленький гигант большого секса» и «Полицейские и воры». С ноября 1997 года Геннадий Хазанов — художественный руководитель Театра Эстрады. Народный артист России. Лауреат Государственной премии.

начинаешь корректировать свой взгляд на мир. Если это не может доставить веселости, то никакого трагизма в этом нет. Все очень закономерно: пока ты молод, не задаешь себе этих вопросов. Я вступил в ту счастливую фазу жизни, когда человек осознает, что надо успеть все раздать.

— **А случалось ли в последнее время что-то такое, что искренне рассмешило вас как профессионала?**

— Я очень люблю Де Ниро, всегда с большим восхищением смотрю на него как на потрясающего драматического артиста. Одно из самых сильных потрясений последнего времени — когда я вдруг стал понимать, что этот драматический артист сме-

шит меня без большого напряжения, можно даже сказать, не желая рассмешить. Я имею в виду фильмы «Анализируй это» и «Анализируй то».

— **А в жизни было что-то такое?**

— Такого, чтобы вот только вчера — нет. Очень насмешил артист Витас, который в 2001 году на саммите СНГ во время концерта подошел к тогдашнему президенту Азербайджана Гейдару Алиеву и сказал: «А теперь я с особой радостью хочу спеть песню для армянской делегации». И еще одна замечательная фраза нашего президента, который на мой вопрос: «Удастся ли париться в бане?» ответил: «Сам каждый день парюсь и парю всех остальных».